

Элиан Грей

Эхо пустоты. Книга одиночества

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Тишина за горизонтом

Элиан Грей

Эхо пустоты. Книга одиночества

«Автор»

2026

Грей Э.

Эхо пустоты. Книга одиночества / Э. Грей — «Автор»,
2026 — (Тишина за горизонтом)

Мир умер не от вируса. Он затих. После «Великого Сбоя» квантовые вычислители стерли из реальности все звуки, созданные человеком. Теперь в городах правит тишина — и порожденные ею Тени. Они не переносят вибраций голоса, шагов или музыки. Они чувствуют звук. Три года Артем живет по правилу: «Шепот — смерть, крик — конец». Он единственный, кто сохранил голос, но пользоваться им нельзя. Днем он исследует немые мегаполисы, ищет батарейки для старого диктофона (своей единственной Библии) и учится читать по губам. Ночью он заклеивает окна в 5 слоев и спит в ванной, потому что вода заглушает дрожь стен. Однажды система слежения показывает странное: кто-то на другом конце города поет. Без слов. Просто мелодию. Артему предстоит выбор: нарушить тишину ради призрака надежды или навсегда остаться последним человеком, который никогда не скажет ни «прощай», ни «здравствуй». Это история о том, как отчаяние обретает частоту, а одиночество — имя.

© Грей Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3.	15
Глава 4	20
Глава 5	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Эхо пустоты. Книга одиночества

Глава 1

*Как измерить страх и почему
громкий чих стоит жизни*

Тишина не бывает абсолютной. Это первое, что я понял после того, как умерли все звуки. Не верите? Включите в голове воспоминание: шелест собственной одежды, когда вы идёте по коридору. Гул холодильника. Даже в самой тихой комнате есть фоновый шум — 25–30 децибел, дыхание планеты. А теперь представьте, что это исчезло. Не приглушилось — именно исчезло. Вакуумная камера внутри вашего черепа.

Три года назад я ещё помнил, как звучит дождь. Сейчас я знаю дождь только как вибрацию: капли бьют по жестяному козырьку подъезда, и эта дрожь передаётся через стену, через бетон, через мои позвонки. Но звука нет. Его вырезали. Как скальпелем.

Меня зовут Артем. Мне тридцать четыре. И я, кажется, последний человек, который помнит, что такое мелодия.

Утром (я называю утром время, когда сквозь пять слоёв чёрной плёнки на окнах пробивается молочный свет) я провожу стандартную процедуру: поднимаюсь с матраса, который лежит прямо в ванне. Да, я сплю в ванне. Чугун — отличный глушитель низких частот. Если Тень придёт ночью, она сначала коснётся металла, и вибрация разбудит меня за секунду до того, как я издам хоть какой-то звук.

Никогда не думал, что буду благодарен советскому сантехническому чугуну.

Я натягиваю бесшумный комбинезон — стёганный, из микрофибры, все замшевые вставки на липучках, никаких молний. Молния звенит. Звон — это смерть. Тени не слышат в нашем понимании. У них нет ушей. Они чувствуют колебания воздуха. Любой звук — это ударная волна, пусть даже микроскопическая. Для них чих — это как взрыв гранаты в закрытой комнате.

Откровенно говоря, я видел, что случается с человеком, который чихнул на лестничной клетке. Это было два года назад. Тот парень (я не знал его имени) забился в угол, зажал нос, пытаясь подавить, но чих прорвался — громкий, влажный, человеческий. Тени пришли через шестнадцать секунд. Их было трое. Они не рвут плоть, как в дешёвых хоррорах. Они просто входят в тебя. Через поры. Через дыхание. Они превращают твои внутренности в камертон, и ты начинаешь звучать на той же частоте, что и они. А потом ты перестаёшь быть человеком. Ты становишься частью тишины.

Парень успел закричать. Крик длился четыре секунды. Потом он просто... застыл. С открытым ртом. А через минуту его кожа стала серой, как бетонная плита, и он пошёл прочь, бесшумно перебирая ногами, — уже не он, а оно. Тень в оболочке из моих бывших соседей.

Поэтому я не чихаю уже 847 дней. Если чешется в носу — я зажимаю крылья носа специальным зажимом и дышу через рот через влажную марлю. Аспирация слюны? У меня есть методика глотания без щелчка. Я репетировал её месяц, пока не довёл до автоматизма.

Правило номер один: ничего громче 48 децибел.

Почему 48? Потому что 50 — это уже шум офиса, разговор на полтона ниже обычного, звон монет. Я проверил на опытах. Тени реагируют на любой звук выше 48 децибел, если он длится дольше 0.3 секунды. Короткий щелчок — они могут не заметить. Кашель — заметят всегда. Я кашлял один раз в жизни после «Сбоя». Это было в первую неделю. Я кашлянул в подушку — и всё равно услышал, как за стеной зашуршало что-то большое и голодное.

С тех пор я научился подавлять кашель волевым усилием. Сжимаю гортань, глотаю воздух, задерживаю диафрагму. Это больно. Горло потом саднит часами. Но я жив.

Сегодня я должен выйти за «ресурсами». Так я называю вылазки за едой, водой и батарейками. Батарейки — это валюта. Не сигареты, не консервы. Батарейки. Потому что у меня есть диктофон.

Диктофон «Sony ICD-TX660» — моя Библия. Тонкий, как три кредитки, с тихим сенсорным управлением (никаких щелчков кнопок!). Он заряжается от солнца через плёночный элемент, который я приклеил на заднюю крышку. В нём 147 записей. Первые 73 сделаны не мной — они были на нём, когда я нашёл диктофон в полицейском участке на пятый день после «Сбоя».

Представьте себе: вы идёте по пустому городу. Ни звука. Ваши шаги — это беззвучное сжатие стельки, вы чувствуете вибрацию в коленях, но уши не получают сигнала. И вы находите устройство, на котором записан чужой голос. Живой голос. Человек говорит: «Здесь лейтенант Фролов, 43-й участок. Если кто-то слышит — не выходите на улицу после захода...» — и запись обрывается.

Я слушаю эти записи каждую ночь. По одной. Я знаю голос Фролова лучше, чем когда-то знал мамин. У него лёгкая картавость, он называет автомат «калаш» и тяжело дышит после слова «Тени». На 12-й записи он плачет. На 37-й он стреляет из пистолета (я чуть не оглох от этого звука, когда впервые включил — и сразу вырубил, потому что 90 децибел, это самоубийство). На 51-й он говорит: «Они не злые. Они просто резонаторы. Мы создали пустоту, а они — форма жизни внутри неё. Как плесень на тишине».

Фролов мёртв. Я нашёл его через три недели. Он сидел на своём рабочем стуле, лицо серое, глаза открыты. Но он не превратился в Тень. Он выстрелил себе в висок, и звук выстрела был настолько громким, что Тени разбежались? Или, наоборот, пришли и... Нет. Он просто умер. Человеком. Я похоронил его в сквере напротив участка. Без слов. Просто закопал и положил сверху его жетон.

Второе правило: никогда не включай диктофон на громкость выше минимальной.

У меня есть наушники-«беруши» с костной проводимостью. Они крепятся на скулы и передают вибрацию прямо на внутреннее ухо — без динамиков, без воздуха. Тени не чувствуют костную проводимость. Я единственный человек в мире, который слушает музыку (точнее, записи голосов) и остаётся невидимым.

Но сегодня не ночь. Сегодня утро, и я готовлюсь к выходу.

Проверка снаряжения занимает 22 минуты. Я делаю это по системе, которую выработал за три года:

1. Комбинезон — целостность швов, отсутствие торчащих липучек.
2. Обувь — подошва из микропористой резины (абсолютно бесшумна даже на гравии).

Шнурки завязаны специальным «тихим узлом» — без хлопка.

3. Рюкзак — все банки внутри обмотаны тряпками, чтобы не стукались. Молния заменена на клапан с магнитами.

4. Оружие — у меня нет оружия в обычном смысле. Оружие против Теней — это звук. Но звук их привлекает, а не убивает. Поэтому моё оружие — это тишина. И ещё генератор инфразвука (самодельный, на базе динамика от колонки JBL). Инфразвук 18 Гц заставляет Теней колебаться в противофазе — они как бы «ломаются» изнутри. Но генератор жрёт батарейки как не в себя. Три минуты работы — одна батарейка АА.

5. Запас батареек — минимум 10 штук. Сейчас у меня 7. Я на мели.

Сегодня я иду в торговый центр «Омега» за три квартала от дома. Там был магазин электроники. Если повезёт, найду литиевые батарейки — они держат заряд годами.

Выхожу.

Дверь в квартиру я смазал силиконовой смазкой год назад, и петли до сих пор не скрипят. Открываю — беззвучно. Закрываю — беззвучно. Коридор общего пользования утопает в полумраке. Стеклопакеты выбиты (стекло звенит, когда разбивается — поэтому все стёкла в городе выбили ещё в первую неделю, чтобы осколки не создавали лишних вибраций). Вместо стёкол — натянута чёрная полиэтиленовая плёнка, заклеена скотчем в несколько слоёв.

Лестница. Ступени бетонные, но на каждую я наклеил кусок коврового коврика. Шаг — бесшумное прикосновение. Мои колени работают как амортизаторы: я ставлю ногу сначала на носок, потом перекачиваю на пятку. Никакого шлепка. Этому меня научили индейцы? Нет, меня научил страх.

Первый этаж. Дверь подъезда заклинило, я открываю её, приподнимая — так она не трётся о косяк.

Улица.

Солнце стоит высоко, но город выглядит как фотография в градациях серого. Потому что все цвета куда-то ушли вместе со звуками? Нет, цвета остались. Просто нет движения воздуха, нет шума листвы — и мозг воспринимает картинку как плоскую, неживую. Это известный феномен: без звука пропадает глубина.

Я иду по проспекту Мира. Раньше здесь был трамвай. Я помню его дребезжание. Сейчас рельсы уходят вдаль, блестя на солнце, но я не слышу даже собственного дыхания — потому что дышу через нос, плавно, без свиста.

Вокруг — машины. Сотни машин. Они стоят в пробке, которая длится три года. Краска облупилась, шины спущены, стёкла целы (только в машинах стёкла сохранились — они тонированные, и никто не стал их выбивать). Внутри некоторых — скелеты. Люди умерли от голода, или от Теней, или от собственной глупости. Я не смотрю на них. Я выработал рефлекс: смотреть только вперёд и по сторонам на 180 градусов, но не заглядывать в салоны машин. Потому что иногда Тени прячутся внутри. Они могут сидеть на заднем сиденье часами, не двигаясь. И ты пройдёшь мимо, ничего не заметив. А они заметят тебя — по вибрации твоих шагов. Но им нужно, чтобы ты издал звук. Они ждут.

Поэтому я иду не по асфальту. Асфальт передаёт вибрацию слишком хорошо. Я иду по газону. Трава пружинит, земля гасит колебания. Мои следы остаются в почве, но это не страшно. Теням плевать на следы.

Через три квартала — «Омега». Здание из стекла и бетона, но стёкла, конечно, выбиты. Вход — через запасную дверь с надписью «Служебный вход». Я открываю её. Внутри пахнет пылью, плесенью и чем-то сладковатым — это разлагаются трупы, которых я не успел убрать. Но я не могу убрать всех. В городе миллион человек. Точнее, миллион бывших людей.

Торговый центр — это лабиринт. Я включаю налобный фонарь (светодиод, без цоканья переключателя — просто поворотный диск). Свет рассекает темноту. Магазин электроники на третьем этаже. Эскалаторы не работают, лестницы завалены мусором. Приходится перелезать.

На втором этаже я замираю.

Потому что слышу.

Нет, я не слышу звук. Я чувствую вибрацию в грудной клетке. Низкочастотное гудение, которое не воспринимается ушами, но заставляет сердце биться чаще. Это Тень. Где-то рядом.

Я опускаюсь на корточки и закрываю глаза. Моё второе зрение — это тактильные ощущения. Я прижимаю ладонь к полу. Вибрация идёт слева, с эскалатора. Частота — примерно 35 Гц. Это взрослая особь. Тени бывают разного размера. Маленькие — как кошки, их почти не видно, но они самые опасные, потому что могут залезть в рюкзак. Большие — как шкафы, они медленные, но если такая накроет тебя, ты превратишься в прах за секунду.

Эта — средняя. Может быть, метра полтора.

Я не двигаюсь. Я задерживаю дыхание и думаю о белом шуме. У меня есть ментальный трюк: я представляю звук водопада. Это не помогает физически, но успокаивает нервную

систему, и мои мышцы перестают дрожать. Тени не видят. Они не чувствуют запах. Они реагируют только на колебания воздуха. Если я не дышу, не шевелюсь, не кашляю — для них я просто часть бетонной стены.

Вибрация усиливается. Тень движется ко мне.

Я открываю глаза и вижу её.

Она похожа на сгусток дыма в форме человека, но не чёрного, а серого — такого же серого, как город. У неё нет лица, нет рук, нет ног. Она просто висит в воздухе, переливаясь, как масло на воде. И от неё исходит жар — нет, не жар, а ощущение пустоты. Холод внутри горячего. Если вы когда-нибудь касались жидкого азота, вы поймёте.

Она в трёх метрах от меня. Она качается. Медленно, как водоросль в стоячей воде.

Я не дышу уже минуту. Мои лёгкие горят. Ещё секунд 30 — и я потеряю сознание, начну хватать ртом воздух, и тогда...

Но Тень поворачивает. Она «слышит» что-то в другом конце здания. Возможно, крыса. Крысы выжили. Они создают шум — писк, шорох, — и Тени охотятся на них. Крысы быстрые, но глупые. Они не понимают, что их убивает тишина.

Тень уходит. Вибрация затихает.

Я делаю вдох — медленный, через нос, через влажную марлю. Выдох — через сжатые зубы. Моё сердце колотится так, что я боюсь: оно создаёт инфразвук. Сердцебиение — это тоже вибрация. Но Тени его почти не замечают, потому что частота слишком низкая и нестабильная.

Я ползу дальше. На четвереньках. Потому что встать — значит создать вертикальное колебание при шаге.

Третий этаж. Магазин «М.Видео». Витрины разбиты, витрины манекены валяются на полу. Я знаю планировку. Стеллаж с батарейками — в дальнем левом углу, рядом с кассой.

Добираюсь. Рукой ощупываю полки. Пусто. Пусто. Пусто. И — о чудо — одна пачка. Литиевые Energizer Ultimate Lithium. 8 штук. Я сую их в рюкзак, заворачиваю в тряпку.

Но этого мало. Мне нужно больше.

Я обхожу прилавок. За кассой — труп кассирши в синей форме. Она мумифицировалась, кожа туго обтягивает череп. На бейджике имя: «Ольга». Извини, Ольга. Я забираю батарейки из её стола. В ящике — ещё 4 штуки. И старый диктофон «Philips». Дешёвый, кнопочный. Кнопки щёлкают — бесполезно. Но внутри могут быть записи.

Я забираю всё.

И тут я делаю ошибку.

Я чихаю.

Нет. Я не чихаю. Я чувствую, что сейчас чихну. Пыль из стола Ольги попала в нос. Аллергия — это то, от чего нельзя застраховаться. Мои глаза слезятся, нос щиплет, диафрагма сокращается.

Зажим! Где зажим?

Я шарю по карманам. Зажим для носа — на шее, на верёвочке. Я хватаю его, зажимаю крылья носа. Чих прорывается, но не выходит — он уходит внутрь, в носоглотку, и это почти так же громко, как снаружи, потому что внутренние колебания передаются на череп. Я чувствую, как мои кости звенят.

Тишина. Я слышу эту тишину ушами, носом, зубами.

А потом приходит ответ.

Вибрация. Не одна — три. Три источника. Они были рядом. Они ждали. Они услышали мой подавленный чих, этот звук на грани 50 децибел, который для человека — ничто, а для них — крик.

Я вскакиваю. Забываю про бесшумность. Я бегу.

Мои кроссовки стучат по плитке. Бам-бам-бам. Громко? Да. Очень громко. Но мне уже всё равно. Я должен выскочить из здания, пока они не окружили.

Первый эскалатор — перепрыгиваю через перила, лечу вниз, приземляюсь на кучу мусора. Второй этаж. Тени уже здесь. Я вижу их — две серые колонны, они блокируют проход к выходу. Третья — сзади.

Генератор!

Я выхватываю из рюкзака свой «глушитель» — динамик с усилителем на батарейках. Вставляю две свежие литиевые, включаю на максимум. 18 Гц. Инфразвук.

Динамик издаёт не звук, а давление. Я сам его не слышу, но мои внутренности начинают вибрировать. Тени реагируют мгновенно: их форма искажается, они вытягиваются вверх, как пламя под ветром, и рассыпаются на сотню мелких нитей. Я бегу сквозь них. Нити касаются моего комбинезона — и ткань начинает плавиться? Нет, она просто становится серой, теряет цвет. Но я не останавливаюсь.

Выход. Дверь. Я вылетаю на улицу.

Тени не выходят наружу. При солнечном свете они слабеют. Ультрафиолет разрушает их когерентность.

Я падаю на газон, хватая ртом воздух. Мои лёгкие работают как кузнечные меха. Я жив.

Через десять минут я поднимаюсь и иду домой. Медленно. Бесшумно.

Вечером, сидя в своей ванне, я записываю 148-е сообщение на диктофон:

«День 847. Правило 48 децибел спасло меня снова. Но сегодня я понял: я не выживаю. Я просто очень медленно умираю. И тишина — это не мой враг. Мой враг — это одиночество, которое не издаёт ни звука. Конец записи».

Я нажимаю «стоп», прячу диктофон под подушку и закрываю глаза. Снаружи — город без звуков. Внутри — я без надежды.

Но завтра я снова пойду искать батарейки. Потому что диктофон — это единственное, что доказывает: я ещё человек. Я слышу голоса. Даже если они записаны. Даже если тех, кто говорил, уже нет.

Тишина — это болезнь. А я — её последний симптом.

Глава 2

*Сто сорок семь записей о том, как
умирала цивилизация*

Ночь. Настоящая ночь, когда за пятью слоями чёрной плёнки не видно ни луны, ни звёзд. Я сижу в ванне, поджав колени к груди, и держу диктофон в ладонях. Он тёплый — батарейка греет корпус. 147 записей. Я знаю каждую наизусть, но всё равно слушаю. Это как чётки для монаха. Только мои молитвы — это чужие голоса мёртвых.

Диктофон я нашёл на двенадцатый день после «Сбоя». Тогда я ещё не знал правил. Я ходил в обычных кроссовках, дышал полной грудью и кашлял, когда хотелось. И чуть не умер четырнадцать раз за первую неделю. Но мне везло. Или не везло — смотря как считать.

Полицейский участок на улице Ворошилова был выбран не случайно. Я искал оружие. Не звуковое — настоящее, пулевое. Думал, что если выжил кто-то ещё, то он будет там. Или хотя бы найду пистолет. Наивный. Тени не боятся пуль. Пуля создаёт звук — сверхзвуковой хлопок — и Тени слетаются на него, как мотыльки на пламя. Тот, кто стреляет, подписывает себе смертный приговор.

Участок был разгромлен. Стулья перевернуты, стёкла выбиты, на полу — тёмные пятна, которые я сначала принял за кровь, но потом понял: это просто грязь. Крови почти не было. Тени убивают без крови. Они просто... стирают.

Я бродил по кабинетам. В одном из них, в кабинете дежурного, на столе лежал диктофон. Рядом — блокнот с каракулями, которые я не смог разобрать. И чашка с остывшим чаем. На дне чашки была плесень, похожая на карту звёздного неба.

Диктофон был включён. Экран светился — красная полоска заряда на нуле, но он ещё работал. Я нажал «воспроизведение» — и чуть не оглох от выстрела. Это была запись № 12. Я вырубил звук, сердце колотилось как бешеное. Потом убавил громкость до минимума и нажал снова.

Голос лейтенанта Фролова.

Я тогда не знал, кто это. Но голос был человеческим. Живым. Я слушал его пять часов подряд, сидя на полу, прижав наушник к уху. А потом заплакал. В первый и последний раз после «Сбоя». Плакал беззвучно, как меня учили — открыв рот, чтобы не всхлипывать.

Запись № 1. День 0. 06:47

«Фролов на связи. Только что пришла шифровка из центра. Говорят, „Сбой“ произошёл в 04:15 по московскому. Все квантовые вычислители планеты синхронно выдали ошибку деления на ноль. Шутка? За минуту до этого в лабораториях ЦЕРН проводили эксперимент с... не важно. Важно другое: звуки пропадают. Не везде. Пока только в радиусе трёх километров от каждого вычислительного центра. Но динамика... (пауза) Я слышу, как стучит моё сердце. Раньше я его не слышал. Это нормально? Голова гудит. Назначили комендантский час. Всем сидеть по домам. Я сижу. Жду инструкций».

Он ещё не знал. Никто не знал. «Сбой» — так называли это потом. Будто компьютер завис. А на самом деле зависла реальность. Законы физики не нарушились — они просто... сместились. Воздух перестал проводить звуковые волны на частотах выше 50 децибел? Нет, это не точно. Я сам не физик. Фролов в 43-й записи пытался объяснить: «Это как если бы вселенная вдруг решила, что звук — это роскошь. И отключила его за неуплату».

Запись № 5. День 2. 14:22

«Пришёл Сергей из соседнего отдела. Он говорит, что на юго-западе люди начали сходиться с ума. Не от страха — от тишины. Когда ты не слышишь ничего, твой мозг начинает

сам генерировать звуки. Галлюцинации. Шёпот. Музыку. Сергей слышит, как его жена зовёт его по имени. Она умерла вчера. (долгая пауза, слышно дыхание) Я сам слышу детский плач за стеной. Но там нет детей. Там пустая квартира. Это тишина играет с нами. Хуже всего — когда засыпаешь. Во сне ты не контролируешь звуки. Храп, скрежет зубами, бормотание. И они приходят. Тени. Их уже так называют. Потому что они похожи на тени, но объёмные. Сергей видел одну. Он говорит, что она... поёт. Без звука. Просто вибрирует. И от этой вибрации у него пошла кровь из носа.»

Я слушаю это сейчас, в ванне, и понимаю: Фролов описывает то, что я пережил сам. Галлюцинации. В первые месяцы я слышал голос матери. Она звала меня ужинать. Я вставал, открывал дверь — а там только пыль и тишина. И плакал снова. Потом привык. Мозг научился не обманывать себя. Или просто устал.

Запись № 12. День 4. 21:03

«Я стрелял. Впервые за четыре дня. Не в Теней — в стену. Просто чтобы услышать звук. Это было глупо. Я знаю. Но когда ты месяц не слышишь ничего, кроме собственного пульса, грохот пистолета — это как наркотик. (выстрел — резко, громко, я вздрагиваю даже сейчас) Чёрт. Гул в ушах. Зато тишина после выстрела кажется уже не такой пустой. Она как пауза после ноты. Понимаете? Тишина — это не отсутствие звука. Тишина — это ожидание звука. (шорох, Фролов, видимо, перезаряжает) У меня осталось 14 патронов. Хватит на 14 секунд счастья. А потом я останусь один. С ними. (внезапно, шёпотом) Кажется, они услышали. Идут по коридору. Я закрою дверь. Всё. Конец связи.»

Запись обрывается. Я помню, что на следующей — № 13 — Фролов говорит уже другим голосом. Испуганным, детским. Он видел, как Тень прошла сквозь дверь. Не сломала, не открыла — просто прошла. Как будто материя перестала быть преградой.

Я слушал эту запись тридцать раз, пытаюсь понять: а могут ли Тени проходить сквозь стены? Или Фролову показалось? В моей практике они не проходили. Они огибали препятствия. Но они умели становиться плоскими, как бумага, и просачиваться в щели. Поэтому я заклеил все вентиляционные отверстия и щели под дверью поролоном.

Запись № 23. День 7. 09:15

«Город мёртв. Я вышел на улицу. Впервые за неделю. Надел наушники с шумоподавлением — но они не помогают, потому что не от чего подавлять. Тишина абсолютная. На площади — трупы. Сотни. Не убитых Тенями. Они просто... замерли. Стоят как статуи. Некоторые смотрят в небо. У одного в руке телефон — он, наверное, звонил кому-то, когда связь оборвалась. Связь пропала на третий день. Не из-за вышек — вышки работают. Просто никто не говорит. Никто не отвечает. Тишина убила коммуникацию. Мы вернулись в каменный век, но без барабанов, потому что барабаны слишком громкие.»

Я был на той площади через месяц. Трупы уже разложились. Но некоторые стояли — высохшие мумии, похожие на экспонаты музея ужасов. Я их не трогал. Не знал, что с ними делать. Хоронить всех — невозможно. Оставить — жестоко. Но мёртвым всё равно. А мне — нет. Каждый раз, проходя мимо, я отводил взгляд.

Запись № 31. День 10. 22:47

«Я нашёл выжившего. Мальчик, лет двенадцать. Он сидел в подвале хлебозавода. Заткнул уши ватой и не выходил две недели. Я сказал ему: „Ты жив“. Он не ответил. Он вообще не говорит. Забыл, как? Или боится? Я дал ему воды. Он пил беззвучно. Глотал так осторожно, будто вода — это стекло. Потом он показал мне блокнот. Там было написано: „Мама умерла. Папа умер. Кошка умерла. Я хочу умереть, но тихо“. (Фролов тяжело дышит) Я не знаю, что делать. Не могу же я оставить его. Но взять с собой — значит подвергнуть опасности. Я стреляю иногда. Он не переносит выстрелов. Зажимает уши и трясётся. Он не выживет. Никто не выживет.»

Мальчика звали Коля. Фролов упоминает его ещё в нескольких записях. Потом — перестаёт. Я не знаю, что случилось с Колей. Возможно, он превратился в Тень. Возможно, просто исчез. Или умер от голода. Фролов не говорит об этом. Тишина проглотила историю Коли, как и всё остальное.

Запись № 44. День 14. 05:12

«Коля пропал. Я искал его два часа. Нашёл только один ботинок и клочок бумаги с надписью: „Я иду к маме. Она там, где тишина не страшная“. (долгая пауза) Я не пошёл за ним. Потому что знаю: там, где тишина не страшная, — это смерть. Или хуже. Прости, Коля. Я не смог тебя спасти. Я вообще никого не могу спасти. Даже себя.»

Фролов после этой записи замолчал на двое суток. Следующая запись — № 45 — была сделана уже другим тоном. Более спокойным, почти профессиональным. Он решил вести дневник выживания. Описывал, где можно найти воду (в бойлерах верхних этажей, в сливных бачках унитазов — там вода оставалась чистой месяцами). Где прятаться (в подвалах, но не в подземных переходах — там слишком хорошая акустика). Как заглушить шаги (надеть две пары носков и обмотать ноги тряпками).

Я использовал его советы. До сих пор использую. Фролов — мой невидимый учитель. Он умер, но его голос живёт в диктофоне.

Запись № 57. День 21. 12:30

«Сегодня я понял, что Тени — это не зло. Это просто форма жизни. Как бактерии. Они питаются звуковыми волнами. Чем громче звук, тем больше „энергии“ они получают. Но они не могут создавать звук сами. Поэтому они ищут источники — людей, животных, даже трещающиеся здания. А когда находят — высасывают вибрации из тел. Превращают человека в ампулу. Пустую. (шум, будто Фролов трёт лицо руками) Мы создали их. Эксперимент в ЦЕРН был не с квантовыми компьютерами. Это была установка по генерации когерентных акустических полей. И они хотели создать абсолютную тишину. Для лабораторных целей. А создали этих тварей. Тишина стала живой. И она голодна.»

Вот оно. Самое страшное откровение. Я переслушивал запись № 57 десятки раз. Тишина стала живой. Не метафора. Буквально. Физики создали поле, в котором звук переставал распространяться. И это поле обрело самосознание? Или просто мутировало? Фролов не уточняет. Да и откуда ему знать. Он лейтенант, не профессор.

Но я запомнил главное: Тени — не монстры из другого мира. Они — наша ошибка. Наше высокомерие. Мы хотели управлять тишиной, а тишина управляет нами.

Запись № 73. День 31. 19:44

«Я ухожу из участка. Здесь стало слишком опасно. Тени приходят каждую ночь. Они уже не боятся света. Эволюционируют? Или просто привыкли? Не знаю. Заберу диктофон. Может, когда-нибудь кто-то найдёт его и узнает, что здесь произошло. Или не найдёт. Какая разница. Всё равно никто не выживет. (пауза) Хотя... я слышал радиосигнал. Сегодня утром. Короткий, повторяющийся. Морзянка? „SOS“? Или просто помехи. Я не разобрал. Но это звук. Кто-то ещё жив. Где-то. Я пойду на него. На звук. Даже если это ловушка. Даже если Тени. Потому что я больше не могу быть один. Тишина сводит с ума быстрее голода.»

Это последняя запись Фролова на диктофоне, который я нашёл. Дальше — пусто. Пять чистых файлов с номерами 74–78. Он их создал, но не записал ничего. Может, не успел. Может, раздумал. Я прокрутил их все — тишина. Абсолютная, стерильная тишина. И когда я слушаю эти пустые файлы, мне кажется, что Тени говорят со мной. Без слов. Просто вибрируют.

Но на диктофоне были не только записи Фролова. После 78-го файла шли другие. Я нашёл их позже, когда научился пользоваться меню. Оказывается, диктофон принадлежал не

только Фролову. До него его использовал кто-то другой. Возможно, гражданский. Возможно, журналист.

Запись № 79. Голос женщины

«Меня зовут Ирина. Я врач скорой помощи. Сегодня третьи сутки тишины. Пациенты не поступают — некому вызывать. Но я хожу по вызовам сама. Проверяю, кто ещё жив. Вчера нашла старуху. Она лежала на кровати и шевелила губами. Я подумала, она молится. Но она просто повторяла: „Тише, тише, они услышат“. Я дала ей воды. Она не пила. Боялась, что бульканье привлечёт Теней. У неё паранойя. Или правда — не знаю. Сегодня я её не нашла. Кровать пуста. На простыне — вмятина в форме человека, но самого человека нет. Просто серая пыль. (всхлипывает) Боже, что это за пыль? Это она?»

Ирина, врач. Она продержалась 47 дней. Я знаю это, потому что последняя её запись — № 112 — датирована 47-м днём. Там она говорит шёпотом, почти неразборчиво: «Я иду в аптеку за морфием. Не для пациентов. Для себя. Прощайте. Если вы это слышите — не ищите меня. Я там, где тишина поёт колыбельную».

Я не знаю, нашла ли она морфий. Не знаю, умерла ли она своей смертью или стала одной из них. Но её голос остался. Иногда я слушаю запись № 79 и представляю её лицо. Доброе, усталое, с морщинками вокруг глаз. Она похожа на мою школьную учительницу биологии. Та тоже говорила тихо и носила белый халат.

Запись № 113. Голос мужчины, хриплый, прокуренный

«Эй. Ты, который слушаешь это через сто лет. Или через год. Или сейчас. Меня зовут Валера. Я водитель фуры. Застрял на трассе М5. Тишина, блядь, такая, что уши закладывает. Я неделю сидел в кабине. Думал, сойду с ума. Потом вышел. Увидел Тень. Она была похожа на мою бывшую жену. Только без лица. Я обоссался со страху. Прости за мат. Но это правда. Она подошла ко мне. Я закричал. Она... (долгая пауза) она не тронула меня. Просто стояла и смотрела. Нет, не смотрела — у неё нет глаз. Она... слушала. Мой крик. Как музыку. Я орал два часа. Пока не охрип. А она всё стояла. А потом ушла. Наверное, наелась. Я с тех пор не издал ни звука. Даже дышу через раз. Диктофон этот нашёл в разбитой машине скорой. Там же труп врачихи. Ирины? Может, её. Я забираю диктофон. Пойду на восток. Говорят, там, за Уралом, есть зона, где звук ещё работает. Врут, наверное. Но надежда — это тоже звук. Самый громкий. (кашель) Ладно, бывай. Конец записи.»

Валера-дальнобойщик. Его запись — единственная весёлая во всём диктофоне. Он матерится, шутит, называет Тень «бывшей женой». Мне нравится Валера. Он выжил? Не знаю. Дальше его записей нет. Может, нашёл ту зону. Может, нет. Я хочу верить, что он жив. Где-то там, за Уралом, ест тушёнку и громко рыгает. Потому что если он жив, то не всё потеряно.

Остальные записи — с 115 по 147 — это обрывки. Кто-то плачет. Кто-то читает стихи (Мандельштама, я узнал). Кто-то просто молчит в микрофон минутами. Одна женщина (она не назвала имя) спела колыбельную своему мёртвому ребёнку. Голос у неё красивый, высокий. Она пела без аккомпанемента, и в этой абсолютной тишине её голос звучал как нож, режущий стекло. Я слушаю эту колыбельную каждый вечер перед сном. Не потому, что она меня успокаивает. А потому, что это единственная музыка, которая осталась в мире.

Сейчас, в ванне, я закрываю диктофон в водонепроницаемый чехол и кладу под голову. 147 записей. 147 голосов. 147 доказательств того, что я не один. Был не один. Может, и сейчас есть кто-то ещё. Где-то. С таким же диктофоном. С таким же одиночеством.

Но я не слышу их. Потому что тишина съела все звуки. Даже чужие крики о помощи.

Я засыпаю под вибрацию собственного сердца. Оно стучит: тук-тук-тук. 70 ударов в минуту. Это примерно 35 децибел. Безопасно. Тихо. По-человечески.

А за окном — Тени. Они тоже слушают. Мой пульс. Мою тишину. Мою Библию из 147 глав.

«Завтра, — думаю я перед сном. — Завтра я запишу 149-ю. О том, как сегодня чуть не умер. О том, как снова победил. О том, что я всё ещё жив. И пока диктофон говорит — я существую».

Тьма смыкается. Диктофон переходит в режим ожидания. Красный светодиод мигает раз в три секунды. Как маяк. Как пульс. Как надежда.

Глава 3.

Они не едят тебя — они превращают твои кости в камертон

Я просыпаюсь от того, что диктофон мигает красным. Не сигнал тревоги — просто индикатор низкого заряда. Чёрт. Вчерашняя вылазка стоила мне трёх батареек на генератор и двух — на фонарь. Диктофон почти сел. Осталось, может быть, часов шесть записи. А без диктофона я — никто. Не потому, что он спасает мне жизнь (хотя и это тоже — его записи учат меня выживать). А потому, что он — единственное зеркало. Я слушаю чужие голоса, чтобы помнить, как звучит человеческая речь. Если диктофон умрёт, я забуду, каким был мир. И стану таким же серым, как Тени.

Сегодня у меня новая цель. Не батарейки. Не еда. Информация.

Я должен понять, как Тени охотятся. Не в общих чертах — досконально. Потому что вчера в ТЦ они были слишком близко. Слишком организованно. Три особи одновременно, с трёх сторон. Это не случайность. Они координируются. А значит, у них есть что-то вроде роящегося интеллекта. Или, хуже, они подчиняются кому-то одному.

Фролов в записи № 63 обмолвился: «Я видел, как Тени собираются в стаю. Их ведёт одна — больше, плотнее, темнее. Я назвал её Альфой. Она не просто охотится — она командует. Если убьёшь Альфу, остальные рассыпаются в пыль».

Но как убить Альфу? Звуком. Только звуком. Генератор инфразвука на 18 Гц разрывает их структуру, но Альфа, наверное, крупнее. Может, нужна другая частота.

Я достаю блокнот — обычную тетрадь в клетку, которую нашёл в школе через дорогу. Пишу шариковой ручкой (она не скрипит, в отличие от карандаша). На первой странице у меня набросаны частоты: 18 Гц — разрывает мелких Теней. 25 Гц — заставляет их замедляться. 40 Гц — они начинают вибрировать в унисон и могут лопнуть, как перегруженный динамик. Но я не проверял. Боялся.

Сегодня проверю.

Подготовка к охоте

Охота на Теней — это не охота в обычном смысле. Я не преследую их. Я, наоборот, иду туда, где их много, и пытаюсь не стать добычей. Но сегодня я хочу спровоцировать. Целенаправленно. Чтобы изучить.

Я собираю второй рюкзак — «экспериментальный». В него кладу:

- Генератор инфразвука с регулировкой частоты (я спаял его из старого усилителя и ардуино; работает от 8 до 120 Гц).

- Три запасные батарейки.

- Микрофон-датчик (чтобы замерять частоту вибраций Теней на расстоянии).

- Диктофон (основной оставляю дома, беру запасной — тот самый кнопочный «Philips», который нащёлкал вчера в магазине. Он шумный, но для экспериментов сойдёт).

- Еда — две банки тушёнки и пол-литра воды.

- Беруши костной проводимости — чтобы слышать записи и не создавать внешний звук.

Одеваюсь в старый, потрёпанный комбинезон — тот, что вчера задел нить Тени. Ткань на левом рукаве стала серой и жёсткой, как картон. Это страшно: ткань потеряла цвет и эластичность. Значит, Тень может «заражать» не только живое. Это важно.

Выхожу. Сегодня не на восток, а на запад. Туда, где старые заводы. Там Теней всегда было больше — из-за металлических конструкций, которые гудят от ветра. Ветер есть, но его звук — это инфразвук, почти не слышимый человеку, но для Теней он как приглашающий билет.

Иду по проспекту Металлургов. Здесь нет газонов — сплошной асфальт и трамвайные пути. Приходится ступать на шпалы, дерево глушит вибрацию лучше бетона. Мои шаги — это едва уловимое сжатие подошвы. Я тренировался годами. Сейчас могу пройти по слою креке-

ров, не сломав ни одного. Это не магия — это биомеханика: перекаат с носка на пятку, перенос веса на внешнее ребро стопы, колени всегда чуть согнуты.

Завод «Красный Октябрь» — это руины. Цеха без крыш, трубы, похожие на пальцы мертвеца, груды ржавого металла. Идеальная среда: много поверхностей, отражающих вибрации, много укрытий. И много Теней.

Я останавливаюсь в ста метрах от проходной. Достая микрофон-датчик — он похож на стетоскоп, только с цифровым экраном. Включаю. Экран показывает фоновую вибрацию: 12 Гц, амплитуда низкая. Норма для пустого места.

Иду дальше. Проходная — разбитое стекло, но я обхожу его по газону (стекло хрустит, даже если наступать осторожно). Внутри цеха — полумрак. Свет пробивается через дыры в крыше. Пахнет гарью, ржавчиной и чем-то сладковатым — опять этот запах разложения, который я ненавижу больше всего.

Датчик оживает. 35 Гц. Амплитуда средняя. Тень рядом. Метрах в двадцати.

Я сажусь на корточки за штабелем кирпичей. Вынимаю генератор. Устанавливаю частоту на 20 Гц — чуть выше базовой. Нажимаю «пуск». Генератор не издаёт слышимого звука, но я чувствую, как вибрирует земля под ногами. Это опасно — вибрация может привлечь Теней, но я надеюсь, что 20 Гц для них как белый шум, не раздражающий, а маскирующий.

Тень появляется из-за колонны. Она не такая, как вчера. Эта — более плотная, почти чёрная, с красноватым отливом. Она движется быстрее. И у неё есть... форма. Не человеческая, но какая-то. Похожа на спираль. Она вращается вокруг своей оси, и от неё исходят волны — я вижу, как воздух дрожит.

Я направляю датчик на неё. Частота 35–38 Гц, нестабильная. Она пульсирует. Это её «дыхание»? Или «голос»?

Тень останавливается. Поворачивается в мою сторону. Она не может меня видеть, но она чувствует вибрацию от датчика? Датчик работает пассивно, он не излучает. Значит, она почувствовала что-то другое. Моё сердцебиение? Пот стекает по лицу — я не могу его контролировать, и капли падают на бетон. Капли создают микроскопический звук. Тени слышат даже это.

Я замираю. Прекращаю дышать. Сжимаю мышцы, чтобы не дрожать.

Тень стоит тридцать секунд. Потом медленно плывёт дальше, в сторону цеха.

Я выдыхаю. Записываю в блокнот: «Тень реагирует на вибрацию от падения капель пота с высоты 1.5 м. Дистанция реакции — до 15 м. Частота её собственных колебаний — 35–38 Гц, нестабильна, пульсирует с периодом 2–3 секунды».

Теперь главное. Я хочу проверить, как она отреагирует на чистый тон.

Увеличиваю частоту генератора до 38 Гц — в резонанс с её пульсацией. Врубаю на полную мощность. Генератор жрёт батарейку, но я готов к этому.

Тень замирает. Начинает вибрировать сильнее — я вижу, как её контуры размываются. Она... растёт? Нет, она раздувается, как воздушный шар. Её частота скачет: 38, 40, 45, 50. Она пытается уйти от резонанса. Но я держу 38.

И тут она издаёт звук.

Я слышу его. Впервые в жизни слышу Тень. Это не голос, не шёпот. Это чистый тон, очень высокий, на грани слышимости. Он пронзает мои беруши, проходит сквозь кости. У меня начинает кружиться голова, перед глазами — пятна. Это частота около 15 кГц. Она не громкая — может, 20 децибел, — но она бьёт прямо в мозг.

Тень выстрелила этим тоном, как оружием.

Я падаю на колени. Генератор выпадает из рук. Тон прекращается. Тень теперь не чёрная — она ярко-серая, почти белая. Она истощена. Но она идёт на меня. Медленно, но неуклонно.

Я ползу к генератору. Пальцы не слушаются. Схватив его, переключаю частоту на 18 Гц — проверенный режим. Врубаю.

Инfrasound бьёт по Тени. Она рассыпается на сотню мелких нитей, как вчера, и эти нити разлетаются по цеху. Некоторые касаются стен — стены покрываются серым налётом. Одна нить летит в меня. Я уворачиваюсь — она проходит в сантиметре от лица.

Тень исчезла. Не убита — рассеяна. Она соберётся снова через несколько часов. Мне нужно уходить.

Я поднимаюсь, хватаю рюкзак и бегу к выходу. Бегу громко, топая, потому что сейчас главное — скорость, а не тишина. В цехе есть и другие Тени. Я слышу (чувствую) их вибрации — 30, 32, 40 Гц. Они приближаются.

Вылетаю на улицу. Солнце. Я падаю на траву, тяжело дыша. Мои руки трясутся. В ушах звенит — последствие того высокочастотного тона.

Я только что услышал голос Тени. И это было не пение — это был крик боли. Или призыв. Не знаю. Но теперь я понял: они не просто охотятся. Они общаются.

Разбор в ванне

Вечером, сидя в своей чугунной крепости, я анализирую данные.

Записываю в блокнот:

«Тени — это не пассивные резонаторы. Они активные излучатели. Могут генерировать высокочастотные тоны (до 15 кГц) для защиты или нападения. Этот тон вызывает дезориентацию, возможно, поражает вестибулярный аппарат. Частота их собственных колебаний — 30–40 Гц, но во время атаки может меняться. Резонанс на их частоте (38 Гц в моём случае) не убивает, а усиливает их — они раздуваются и становятся агрессивнее. Убивает только рассинхронизация (18 Гц и ниже) или очень высокая амплитуда на любой частоте, но это опасно для человека».

Потом я слушаю запись Фролова № 67. Там он говорит:

«Я нашёл научную статью в брошенном институте. Про когерентные акустические поля. Оказывается, Тени — это солитоны. Волны, которые ведут себя как частицы. У них есть масса, есть частота, есть „температура“. Если подобрать частоту, противоположную их собственной, они аннигилируют. Но проблема в том, что у каждой Тени своя частота. Они как отпечатки пальцев. Альфы имеют более низкую частоту — около 12–15 Гц. Их труднее рассинхронизировать, потому что низкие частоты требуют огромной мощности».

Альфа. Значит, тот, чёрный с красным, — это была не Альфа. Обычная особь, но крупная. Альфа ещё хуже.

Я смотрю на карту города. Западные заводы — это территория Альфы? Может быть. Фролов писал, что Альфа обитает в центре города, в здании бывшей мэрии. Я туда не ходил. И не пойду. Пока не пойду.

Но сегодня я узнал кое-что важное: Тени можно не только бояться, с ними можно «разговаривать» частотами. Если я запишу их собственный тон и воспроизведу его в противофазе, я смогу уничтожить их без генератора. Нужен только динамик и точная настройка.

Я беру диктофон. На нём осталось три часа записи. Я нажимаю «запись» и шепчу в микрофон:

«День 848. Я охотился на Тень. И услышал её голос. Это был не звук — это была нота. Нота страха. Или нота одиночества. Не знаю. Знаю одно: они не монстры. Они — ошибка. И каждую ошибку можно исправить. Главное — найти правильную частоту. Конец записи».

Я выключаю диктофон. Экономия батареи.

Ночь и сон

Мне снится сон. Я иду по городу, и вокруг меня звучит музыка. Не та, что была раньше — не радио, не песни. Это музыка Теней. Они поют хором, каждая на своей частоте, и эти частоты складываются в аккорд. Аккорд нечеловеческий, диссонирующий, но в нём есть своя красота. Как звук ломающегося стекла в замедленной съёмке.

Я просыпаюсь в холодном поту. В ванной темно. Диктофон молчит. Но я слышу — нет, чувствую — вибрацию. Она идёт от стены. Снаружи. Кто-то есть. Не Тень — что-то другое. Вибрация ритмичная, пульсирующая с частотой примерно 1 Гц. Это слишком медленно для Тени. Это похоже на... шаги. Человеческие шаги. Но человек не может ступать так тяжело, чтобы вибрация передавалась на четвёртый этаж через бетонные перекрытия.

Я подкрадываюсь к окну. Плёнка не пропускает свет, но я могу осторожно отогнуть угол. Смотрю вниз.

На улице — фигура. Человеческая. Она стоит под фонарным столбом (фонари не работают три года, но луна светит). Фигура не движется. Она просто стоит, повернувшись лицом к моему дому. У неё нет лица. Оно гладкое, как яйцо. Но поза — человеческая. Руки опущены. Ноги вместе.

Это не Тень. Тени не имеют формы. Они — облака. А это — тело. Чьё-то тело. Бывшее человеческое. Но оно не серое — оно чёрное, как уголь. И от него исходит вибрация — тот самый медленный пульс.

Я отхожу от окна. Моё сердце колотится так, что я боюсь: Тень внизу услышит. Но она не движется. Она ждёт.

Что ей нужно? Она знает, что я здесь? Как?

Я вспоминаю запись № 98. Там Ирина, врач, говорит: «Есть Тени, которые вселяются в мёртвые тела. Они используют их как оболочки. Тогда они могут ходить, стоять, даже открывать двери. Но они не говорят. У них нет голоса. Они просто... носят человека, как костюм»/ Боже. Тень в теле. Она пришла за мной.

Я забираюсь в ванну, накрываюсь одеялом с головой и затыкаю уши пальцами. Вибрация продолжается. Пульс. Шаг за шагом. Я считаю: раз в секунду. Пять секунд. Десять. Тридцать. Через две минуты вибрация затихает. Фигура ушла.

Но она вернётся. Я знаю.

Она вернётся.

Утро нового дня

Я не сплю больше. Сажусь в ванне, обхватив колени. Диктофон мигает красным — совсем мало заряда. Нужно идти за батарейками. Но теперь я знаю, что на улице есть нечто новое. Не просто Тени. Тени в человеческих оболочках. Они умнее. Они могут планировать. Они могут ждать.

Я беру блокнот и пишу новое правило:

Правило № 49. Если видишь чёрную человеческую фигуру, которая не движется — беги. Не оглядывайся. Беги туда, где есть солнце. Потому что в тени эта тень — самый страшный хищник.

Потом я достаю карту города. Отмечаю место, где стояла фигура. Напротив моего дома. Она знает, где я живу. Значит, мой дом больше не убежище.

Я должен уйти. Сегодня же. Собрать диктофон, батарейки, еду, воду. И уйти на восток. Туда, где, по слухам, есть зона, где звук ещё работает. Или хотя бы где меньше Теней.

Но сначала — последняя вылазка в аптеку. Мне нужны бинты и антибиотики. И, возможно, морфий. На всякий случай.

Я одеваюсь. Проверяю генератор. Он работает, но батарейки на исходе. Осталось 4 штуки. Мало.

Выхожу из квартиры. Лестница, подъезд, улица. Солнце стоит низко — раннее утро. Тени ещё активны, но уже слабее. Я иду на юг, в сторону аптечного склада.

И на полпути я слышу это.

Не вибрацию. Не пульс. Я слышу настоящий звук. Человеческий голос. Он доносится из подземного перехода. Голос поёт. Без слов. Просто мелодию — «В траве сидел кузнечик». Детская песенка.

Я замираю. Мои уши, отвыкшие от звуков, отказываются верить. Это галлюцинация? Или...

Я вспоминаю запись Фролова № 112, последнюю: «Кто-то поёт на юго-западе. Я думал, это Тени, но нет — это человек. Ребёнок. Он поёт, и Тени не трогают его. Потому что его голос... его голос на их частоте. Он поёт на языке тишины».

Ребёнок. Живой ребёнок. Там, в переходе.

Я делаю шаг в сторону перехода. Сердце колотится. Я нарушаю правило 48 децибел — мои шаги громкие, потому что я иду по асфальту. Но мне всё равно.

Мелодия продолжается. Чистый, высокий детский голос. «В траве сидел кузнечик, совсем как огуречик».

Я подхожу к спуску. Темно. Оттуда тянет холодом и сыростью.

Голос обрывается. Тишина.

Потом — шёпот:

— Ты слышишь меня? Не бойся. Они не тронут, пока я пою. Иди сюда. Я давно тебя жду.

Это девочка. Лет десяти. Или двенадцати. Я не знаю. Но её голос — самый прекрасный звук, который я слышал за три года.

Я спускаюсь в переход. Темнота смыкается надо мной.

Глава 4

*День, когда консервы стали дорожке
автомата Калашникова*

Подземный переход пахнет сыростью, мочой и старым хлебом. Три года без звуков — и запахи стали ярче. Или это мне кажется? Я спускаюсь по стёртым ступеням, держась рукой за перила (ржавые, но не скрипят — я проверяю). Свет с улицы быстро тает, и я включаю налобный фонарь на минимальную яркость. Луч скользит по стенам, покрытым чёрной плесенью, по полу, усыпанному осколками стекла и скомканными газетами. Газеты от 15 марта. За три дня до «Сбоя». Заголовок: «Квантовый прорыв: учёные создали абсолютную тишину». Ирония судьбы.

Девочка не поёт больше. Я слышу только своё дыхание — осторожное, через марлю. И свои шаги — бесшумные, как у призрака. Но она меня ждёт. Она сказала: «Я давно тебя жду».

— Где ты? — шепчу я. Громче нельзя. Переход — это труба, акустика зверская. Даже шёпот здесь отражается от стен и усиливается.

— Иди на свет, — отвечает она. Голос доносится откуда-то из глубины, но я не вижу источника. — Я зажгла свечу.

Свеча? В подземном переходе? Это безумие. Открытый огонь, дым, запах — всё это привлекает Теней. Или она использует свечу как сигнал для людей? Рискованно.

Я двигаюсь вперёд. Переход делает поворот направо, и я вижу слабое жёлтое мерцание. Свеча стоит на перевёрнутом ящике. Рядом — девочка. Она сидит на корточках, поджав колени к груди, и смотрит на меня огромными глазами. На вид лет десять-одиннадцать. Волосы светлые, грязные, спутанные. Одета в слишком большую куртку серого цвета и резиновые сапоги. На шее — свисток. Металлический, судейский.

— Ты живой, — говорит она без удивления. — А я думала, ты тоже призрак.

— Я не призрак, — отвечаю я, присаживаясь на корточки в трёх метрах от неё. Дистанция безопасности. — Я Артём. Как тебя зовут?

— Аня. Мне одиннадцать. Я здесь живу.

Она говорит шёпотом, но без страха. Словно привыкла, что громкость должна быть минимальной. Словно родилась в этом мире тишины.

— Как ты выжила? — спрашиваю я. — Где твои родители?

Аня смотрит на свечу. Пламя колеблется — откуда-то дует сквозняк. Тени от её лица пляшут на стене.

— Мама умерла сразу. Она чихнула. Папа ушёл за едой и не вернулся. Это было давно. Я уже не помню его лицо. Только голос. Он пел мне на ночь. А теперь я сама пою. Тени не любят, когда я пою. Они уходят.

— Поёшь? — переспрашиваю я. — Но пение — это звук. Громкий звук. Тени должны слетаться на него, как...

— Не на моё, — перебивает она. — На моё — нет. Я пою на их частоте. Или около того. Я не знаю как. Просто когда я пою, они замирают. А потом уползают. Как улитки от соли.

Я вспоминаю запись Фролова. Ребёнок, поющий на языке тишины. Значит, это правда. Она — уникальна. Её голосовые связки, её слух, её мозг — они каким-то образом подстроились под новую реальность. Она может издавать звуки, безопасные для человека и смертельные для Теней. Или не смертельные — отпугивающие.

— Спой что-нибудь, — прошу я. — Тихо. Просто чтобы я понял.

Аня закрывает глаза. Открывает рот — и издаёт звук. Это не мелодия. Это чистый, ровный тон, похожий на гудение камертона. Частота... я не могу определить на слух, но мои зубы

начинают ныть. Примерно 250–300 Гц. Выше, чем у Теней. И при этом тон не громкий — может, 40 децибел. Но он какой-то... плотный. Насыщенный.

Я чувствую, как вибрация проходит сквозь меня. Не неприятно. Странно. Как будто кто-то гладит меня по внутренностям.

Аня замолкает. Открывает глаза.

— Ну как?

— Невероятно, — говорю я честно. — Тени действительно так реагируют?

— Да. Один раз большая, чёрная, почти достала меня. Я запела — и она лопнула. Как мыльный пузырь. Только серой пыли много было.

Я смотрю на неё с уважением и ужасом. Эта девочка — оружие. Ходячее оружие массового поражения против Теней. И она одна, в подземном переходе, питается неизвестно чем, спит на картонке.

— Ты голодна? — спрашиваю я, расстёгивая рюкзак. Достаю банку тушёнки. — Вот, возьми.

Аня смотрит на банку, но не берёт.

— А ты не Тень? — спрашивает она. — Тени иногда притворяются людьми. Я видела. Они берут мёртвые тела и ходят в них. Говорить не могут, но стоять — да. Один такой стоял у входа в переход три дня. Я не выходила. Потом он ушёл.

Я киваю. Та самая чёрная фигура у моего дома. Значит, она была здесь.

— Я не Тень. Смотри, — я щипаю себя за руку, и из-под ногтя выступает капля крови. Красная. — Видишь? У Теней нет крови.

Аня наклоняется, рассматривает. Потом кивает и берёт банку. Открывает её беззвучно (ловкость, которой я учился месяцами, а для неё — естественность). Ест пальцами, не торопясь. Смотрит на меня поверх банки.

— А ты чего тут делаешь? — спрашивает она с набитым ртом. — Обычно люди не ходят в переходы. Они боятся.

— Я услышал твоё пение, — отвечаю я. — И подумал, что схожу с ума. Три года без человеческого голоса — это много. А потом понял: ты настоящая.

— Настоящая, — соглашается Аня. — Только меня скоро не будет. Еда кончается. Вокруг — одни консервы, но они в супермаркете. А я не могу туда пойти. Там много Теней. А петь долго я не умею — горло болит.

Она трогает свою шею. Я замечаю синяки на гортани. Перенапряжение связок. Если она будет петь слишком много, может потерять голос. И тогда — смерть.

— Я схожу в супермаркет, — говорю я. — За едой. Для нас обоих. Ты покажешь, где он. Аня поднимает на меня глаза. В них — недоверие и надежда.

— Не обманываешь?

— Я никогда не обманываю. Это правило № 47.

— У тебя есть правила?

— Сорок девять. Будут пятьдесят, если мы выживем сегодня.

Она улыбается. Впервые. У неё молочный зуб шатается.

Супермаркет «Молчание»

Супермаркет называется «Перекрёсток», но я переименовал его в «Молчание». Он находится в двух кварталах от перехода, на пересечении улиц Ленина и Гагарина. Типичный продуктовый магазин на первом этаже жилого дома. Витрины выбиты, входная дверь сорвана с петель. Внутри — тьма и запах гнилых овощей.

Аня осталась у входа. Она сказала: «Я буду петь, если Тени пойдут на тебя. Но не долго. Минуту. Потом уходи».

Я вошёл один. Фонарь на голове выхватывает из темноты стеллажи. Большинство полок пусты — люди в первые дни разобрали всё, что могли. Но кое-что осталось. Верхние полки,

до которых никто не дотянулся. Задние ряды, скрытые за упавшими конструкциями. Я иду медленно, переставляя ноги так, чтобы не задеть осколки. Каждый шаг — это риск.

Первая добыча — консервы. Рыбные, мясные, овощные. Я складываю их в рюкзак, заворачивая в тряпки, чтобы не гремели. Вторая — крупы. Рис, гречка, макароны. Третья — вода. Бутылки с питьевой водой стоят в дальнем углу, рядом с кассами. Я беру шесть штук.

И тут я слышу это.

Вибрация. Сильная. Низкая. Около 15 Гц. Это Альфа.

Я замираю. Фонарь выключаю. Темнота становится абсолютной. Только вибрация нарастает. Она идёт с потолка. Альфа — наверху, на втором этаже или на крыше.

Я сижу на корточках за прилавком с овощами. Гнилые помидоры издают запах, который может меня выдать, но это лучше, чем двигаться.

Вибрация становится ритмичной. Пульсирующей. Альфа спускается. Я чувствую, как бетонные перекрытия дрожат. Она — огромная. Больше всех, кого я видел. Её частота — 14.7 Гц. Я запоминаю. Если выживу, это пригодится.

Она входит в магазин. Я не вижу её, но чувствую холод. Температура падает градуса на три. Воздух становится плотным, как перед грозой. Альфа движется между стеллажами. Медленно. Она знает, что я здесь. Чувствует моё дыхание, мой пульс, мои испуганные зрачки — хотя в темноте их не видно.

Я не дышу. Сорок секунд. Пятьдесят. Минута. Лёгкие горят.

Альфа останавливается в двух метрах от меня. Я слышу (чувствую) её гудение. Низкое, басовитое. Оно резонирует с моими костями. Моя левая берцовая кость начинает болеть — как будто её сжимают в тисках. Это то самое превращение в камертон. Если она продолжит, мои кости начнут вибрировать в унисон, а потом...

Я не могу больше не дышать. Я делаю крошечный вдох через марлю. Воздух со свистом проходит сквозь ткань. Свист — 35 децибел. Не громко. Но Альфа слышит.

Она поворачивается ко мне.

В темноте я вижу её очертания. Она не похожа на обычную Тень. У неё есть форма — расплывчатая, но почти человеческая. Два «плеча», «голова». И красные точки вместо глаз. Она смотрит на меня.

И тут — снаружи, со стороны улицы, раздаётся пение.

Аня. Она поёт. Тот самый чистый тон на 280 Гц. Громче, чем в переходе. Она рискует собой, чтобы отвлечь Альфу.

Альфа замирает. Поворачивает «голову» к выходу. Вибрация меняется: 14.7 Гц — 14.9 — 15.2. Она колеблется. Ей не нравится пение. Оно бьёт по ней, как ультразвук.

Альфа уходит. Медленно, но неуклонно. Я слышу, как её вибрация удаляется к выходу. Через минуту она исчезает.

Я выдыхаю. Встаю, опираясь на прилавок. Ноги не слушаются. Но я жив.

Быстро дособирую рюкзак — консервы, крупы, воду. Бегу к выходу, уже не заботясь о тишине. Мои кроссовки гремят по кафелю, но это не важно. Я должен убраться, пока Альфа не вернулась.

Вылетаю на улицу. Аня стоит у стены, прижавшись спиной к кирпичам. Она бледная, губы дрожат. На глазах — слёзы.

— Ты в порядке? — спрашиваю я, задыхаясь.

— Горло... болит очень, — шепчет она. — Но я не могла иначе. Она бы тебя съела.

— Спасибо, — говорю я. — Теперь бежим. Она может вернуться.

Мы уходим в переход. Я несу рюкзак — он тяжелый, килограммов пятнадцать. Аня бежит рядом, иногда хватаясь за мою руку. Её ладонь холодная и тонкая, как птичья лапка.

Ужин в переходе

Свеча догорает. Я зажигаю новую — у меня есть запас (парафиновые, без запаха). Мы сидим на картонках, едим консервы. Аня открывает банку с персиками — её глаза загораются. Она ест медленно, смакуя каждый кусочек. Я смотрю на неё и думаю: вот зачем я выживал три года. Чтобы найти её. Чтобы не быть одному.

— Ты не можешь оставаться здесь, — говорю я. — Переход — не убежище. Тени найдут тебя рано или поздно. Пойдём со мной. У меня есть квартира на четвёртом этаже. Там ванна, где можно спать без страха. И диктофон. Сто сорок семь голосов мёртвых. Ты послушаешь.

Аня поднимает на меня глаза.

— А ты не бросишь меня, как папа?

— Не брошу, — отвечаю я. — Это правило № 50. Не бросать тех, кто поёт тебе спасение.

Она улыбается. Снова.

— Тогда пойдём. Только я свистну на всякий случай, если Тени подойдут.

— Свисток? Это громко.

— А он особенный, — Аня достаёт свисток из-под куртки. — Папа сделал. Он свистит на частоте, которую Тени не слышат. Ультразвук. Проверено.

Я беру свисток, рассматриваю. Обычный металлический, но внутри — какой-то чип или мембрана. Это не самоделка. Это специальное устройство. Кто был её отец? Учёный? Военный?

— Твой папа... он знал про Тени заранее?

Аня пожимает плечами.

— Он говорил, что «тишина — это оружие». И что нельзя доверять тишине. Он работал в институте, где делали этот эксперимент. Тот, из-за которого всё случилось. Он чувствовал себя виноватым. Поэтому сделал мне свисток.

ЦЕРН. Эксперимент. Квантовая тишина. Всё сходится.

— Тогда пойдём, — говорю я, поднимаясь. — До рассвета нужно добраться до моей квартиры. Утром Тени слабее, но и мы устанем.

Мы выходим из перехода. Ночь. Луна скрыта тучами. Город кажется чёрным морем, в котором мы — два крошечных корабля. Я беру Аню за руку. Она не сопротивляется.

Мы идём молча. Мои шаги — бесшумные, её — чуть более громкие, потому что сапоги жёсткие. Но мы вместе. И это главное.

У моего дома мы замираем. Чёрная фигура стоит на прежнем месте. Та самая. Тень в человеческом теле. Она ждёт.

— Аня, — шепчу я. — Спой. Тихо. Прогони её.

Аня закрывает глаза и издаёт тот самый тон. Тихий, но пронзительный. Фигура дёргается. Из её «лица» начинает сочиться серая пыль. Она делает шаг назад. Ещё один. Потом разворачивается и уходит в переулок, волоча ноги, как марионетка, у которой обрезали нити.

— Ушла, — выдыхает Аня. — Но вернётся. Они всегда возвращаются.

Мы входим в подъезд. Поднимаемся на четвёртый этаж. Я открываю дверь. Ванна. Диктофон. Тьма.

— Добро пожаловать домой, — говорю я.

Аня оглядывается. Садится на край ванны. Берёт диктофон в руки.

— Здесь сто сорок семь голосов? — спрашивает она.

— Да. Теперь будет сто сорок восьмой. Твой.

Она нажимает «запись» и говорит шёпотом:

«Меня зовут Аня. Мне одиннадцать. Я умею петь так, что Тени боятся. Артём спас меня. А я спасла его. Мы будем жить вместе. И когда-нибудь мы найдём других. Конец записи».

Диктофон пикает. Красный светодиод мигает в последний раз — батарейки садятся окончательно.

Я достаю из рюкзака новые литиевые. Вставляю. Диктофон оживает.

— Завтра, — говорю я, — мы пойдём на восток. Там, говорят, есть зона, где звук ещё работает. Где есть люди. Где есть надежда.

— А если там ничего нет? — спрашивает Аня.

— Значит, мы создадим свою зону. Ты будешь петь. Я буду записывать. И когда-нибудь тишина проиграет.

Она засыпает у меня на коленях, положив голову на рюкзак. Я сижу, смотрю на неё и слушаю, как бьётся её сердце. Ровно. Спокойно. По-человечески.

Снаружи — Тени. Внутри — тишина. Но теперь это другая тишина. Не пустая. А полная надежды.

Глава 5

*Мумия с открытым ртом, которая
научила меня целовать воздух*

Аня спит уже четыре часа. Я сижу на краю ванны, смотрю на её лицо и не могу отвести взгляд. Она дышит тихо, почти беззвучно — это врождённое, или она научилась так же, как я? Её веки подрагивают. Снится что-то. Возможно, тот мир, где ещё были звуки. Где мама звала на ужин, а папа играл на гитаре.

Мне не спится. Слишком много событий за один день: охота на Тень, пение девочки, чёрная фигура, Альфа в супермаркете. Мозг переваривает информацию, раскладывает по полочкам, ищет закономерности. Я достаю блокнот и при свете тусклого диодного фонарика (завёрнутого в красную тряпку, чтобы не слепить) пишу новую страницу:

«Аня — феномен. Её голос генерирует частоту 250–300 Гц, которая подавляет Теней. Возможно, это связано с тем, что она ребёнок: её голосовые связки ещё не огрубели, или её слух не утратил диапазон, который взрослые теряют после 20 лет. Надо проверить: может ли она петь на других частотах? Может ли её голос не только отпугивать, но и уничтожать Альф?»

Потом я смотрю на дверь. За ней — коридор, лестница, а на втором этаже — квартира 47. Я не заходил туда больше года. Но сейчас, когда Аня спит, когда тишина давит особенно сильно, я вспоминаю, как оказался здесь. Как нашёл это убежище. И главное — как научился одному из самых странных правил.

Правило № 17: Целуй воздух, когда боишься. Это напомнит тебе, что ты ещё дышишь. Этому меня научила мёртвая женщина. Моя соседка из 47-й.

Два года и одиннадцать месяцев назад

Я не всегда жил на четвёртом этаже. Первые две недели после «Сбоя» я скитался по городу, как крыса. Ночевал в подвалах, на чердаках, в брошенных машинах. Боялся задерживаться на одном месте дольше чем на ночь — думал, что Тени вычисляют меня по запаху или по теплу. Глупость. У них нет носа, они не видят инфракрасное излучение. Они слышат. Только слышат. Но тогда я этого не знал.

На пятнадцатый день я оказался в этом доме. Шёл по лестнице, ища квартиру с незапертой дверью. На втором этаже дверь квартиры 47 была приоткрыта. Изнутри тянуло холодом и сладковатым запахом, который я уже начинал узнавать — запах смерти, но не разложения, а высыхания. Мумификации.

Я толкнул дверь. Петли не скрипнули — их смазали незадолго до... до всего.

Квартира была маленькой, однушка. Мебель простая, советская. На стенах — вышитые крестиком пейзажи. На подоконнике — герань, засохшая, но стоящая прямо, как солдатик. И на кровати — она.

Женщина. Лет шестидесяти. Седая, морщинистая. Лежала на спине, руки сложены на груди. Глаза закрыты. Рот открыт. Широко открыт, как будто она хотела крикнуть, но не успела. Или, наоборот, хотела вдохнуть в последний раз, а воздух оказался слишком тихим.

Я подошёл ближе. Она была мумифицирована естественным образом — сухой воздух, отсутствие влаги, вентиляция. Кожа туго обтягивала череп, но не почернела, а стала коричневой, как старая бумага. На губах — белый налёт. Зубы целы. Она выглядела... спокойной. Почти красивой. Как статуя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.